Дэвид

Вдалеке раздался раскат грома, хотя Дэвид не мог с уверенностью сказать, что это не грохот поезда, проходящего мимо станции в нескольких кварталах от него. Лето выдалось особенно душным. Дожди шли три дня в неделю - так часто, что каждый пешеходный переход превратился в собственный мелкий грязный пруд, а комаров стало в десять раз больше, чем жителей его города.

Дэвид стоял на пешеходном переходе и с отвращением смотрел на одну из таких луж со своего возвышенного места в двух дюймах от шести футов над землей. Это был средний рост для Нью-Йорка, но высокий для азиата. Он бездумно гадал, какого роста был его отец. Его мать не любила говорить об отце Дэвида, который нарушил обещание присоединиться к своей беременной жене в Америке до рождения ребенка.

Дэвид не знал подробностей, но спустя семнадцать лет понял, что это была обычная история. Бизнес его отца, какая-то фабрика в Ханчжоу, по счастливой случайности, стал прибыльным. Он встретил другую женщину и делал вид, что его жены и сына на другом конце света не существует. Дэвид знал, что у его отца есть еще двое детей от этой другой женщины, но не знал, сколько им лет.

Его мать шесть дней в неделю работала на швейной фабрике, а по утрам в субботу - в ресторане "Чжулу", где подавали чай и димсам в течение шести долгих часов позднего завтрака. Она была одной из тех дам, которые толкали тележки с димсамом от столика к столику и рассказывали гостям, какие сорта димсама находятся в маленьких круглых бамбуковых контейнерах в ее тележке, - нечестивая смесь официантки и циркового балаганщика.

Дэвид тихонько подал заявление на подработку, но когда он с радостью сообщил матери, что его взяли на работу, чтобы она наконец перестала работать в "Чжулу" и могла хоть день отдохнуть, она была невероятно рассержена.

Что это за сын, который не будет уделять внимание учебе, а будет торговать товарами в игровом магазине? Разве похоже, что у них не хватает денег, когда он трижды в неделю посещает местную школу для детей, берет уроки игры на фортепиано и все остальное, чему хочет научиться? Что сложного в том, чтобы работать официанткой, может, она и была в возрасте, но выглядела ли она на пятьдесят? Неужели он не знал, что "Чжулу" - это его культурное наследие, первое воплощение современного ресторана, зародившееся в их родном городе Ханчжоу, который во времена династии Сун назывался Ли'нан? Конечно, он не мог быть настолько рассеянным, чтобы забыть стихотворение о...

Где была Элис?

Молнии не было видно, но гром прозвучал снова, еще ближе, чем прежде. Дэвид ждал на углу улицы уже почти десять минут. Дождь еще не начался, но лобовые стекла машин, припаркованных аккуратными параллельными рядами, насколько хватало глаз, запотевали. Вдалеке слышался визг шин и приглушенный грохот. Дэвид вздрогнул.

Пара маленьких мягких ладоней закрыла ему глаза, погружая в темноту. Какой бы дезинфицирующий крем для рук или лосьон она ни использовала, от него исходил цветочно-фруктовый запах, который на мгновение оказался непреодолимым.

"Азиатский водитель не выживает..." - сказала Элис, растягивая гласные с ужасно

преувеличенным и, если быть до конца честным, слегка оскорбительным акцентом.

Дэвид вынул свое лицо из ее рук и обернулся к ней в полном недоумении.

"Что?"

Элис указала вверх по улице на место преступления, затем сделала паузу, и уголки ее губ дернулись вверх.

"Два минивэна столкнулись - в центре, номерной знак к номерному знаку, оба пытались повернуть налево на оживленном перекрестке в Бруклине. Из какой страны были водители и сколько грин-карт они могут предъявить в общей сложности?"

Дэвид уставился на нее, качая головой в недоумении. Он старался сдержать ухмылку.

Элис была на голову ниже его. Ее светлые волосы были завязаны в свободный хвост, который заканчивался между лопаток. Она имела привычку убирать челку, темную как ночь, подальше от глаз. Он предположил, что сейчас достаточно позднее лето, чтобы она была слишком занята подачей документов в колледж и не тратила время на парикмахерскую, чтобы снова обесцветить волосы.

"Как ты сегодня?" - простила Элис. "Ты полгода ходил в мой класс кунг-фу. Не говори об этом вслух, это стыдно".

Дэвид одарил ее самой широкой улыбкой, на которую только был способен.

"Но я не испытываю ничего, кроме беспокойства за тебя".

Элис одарила его взглядом, способным заморозить воду.

Она была стройной, как и он, как и большинство американцев китайского происхождения в первом поколении. У нее было классически красивое лицо с большими карими глазами, длинными ресницами и высокими скулами. Когда она улыбалась, на ее лице появлялись ямочки. На ней была светло-серая рубашка с нагрудным карманом, пара джинсовых шорт и тщательно вычищенные белые кроссовки Nike. Элис без дела размахивала небольшим зонтиком, который в эти дождливые недели продавался в долларовых магазинах.

Через спину у нее был перекинут явно непромокаемый чехол для инструмента, по крайней мере на две трети ее роста.

"Спасибо, что пришел", - наконец сказала Элис, когда они бок о бок направились к местному филиалу публичной библиотеки, расположенному в нескольких кварталах отсюда. "Все остальные сказали, что заняты".

"Я был последним, кого ты спрашивала?"

Она резко повернулась к нему лицом и тут же поняла, что он пошутил. Она вздохнула.

"Никто не хочет притворяться, что его волнует кто-то, исполняющий песню, которую он никогда не слушал, на инструменте, о котором никогда не слышал, на шоу талантов в библиотеке, которая, вероятно, лишила его карточки за то, что он забыл вернуть книгу о Гарри Поттере, когда ему было девять лет".

Элис всегда отличалась остроумием, многословием и конфронтационностью, но Дэвид мог

сказать, что она искренне расстроена.

"Это их потеря. Все знают, что в Бруклинской публичной библиотеке самый лучший кондиционер".

Это тоже было правдой. В библиотеке было прохладно, сухо и тихо, и пахло книгами, если только кто-нибудь не решил принести сюда гиро из одной из тележек с едой на углу или у библиотекарей не хватило духу выгнать бездомных, которые время от времени забредали сюда.

К удивлению Дэвида, Элис прильнула к нему и обхватила его предплечье, сцепив их локти.

"Спасибо", - сказала она.

Они никогда не были слишком близки, хотя знали друг друга четыре года и каждое утро в течение часа ездили на одном и том же поезде, чтобы добраться до школы в самом центре города. Он предположил, что ей хотелось взять кого-то за руку, но она не хотела навести его на неверные мысли, поэтому выбрала вариант с хоть каким-то правдоподобным отрицанием. К сожалению, идти в таком виде было трудновато.

Кроме того, Дэвид был почти уверен, что она с кем-то встречается. С учетом этого он с каждым шагом все больше отдалялся от нее, пока они не оказались в неловком положении, когда дождь перешел в мелкий морозящий дождь. Они оба слегка ускорили шаг, и ни один из них не заговорил - казалось, прошла целая вечность, хотя они прошли всего один квартал. Когда они пересекли последний перекресток и вышли на улицу, где в приземистом здании, окрашенном в тусклый серый металл, находилась библиотека, Дэвид почувствовал ощутимое облегчение.

"Я поняла!" - сказала Элис достаточно громко, чтобы он услышал. Она глубоко вдохнула, чтобы выпустить вздох, но не стала этого делать. Она потянула за ручку одной из обманчиво тяжелых дверей в библиотеку, и порыв холодного воздуха вырвался за них в полуденную влажность.

В Бруклине насчитывалось не менее шестидесяти филиалов Публичной библиотеки - больше, чем полицейских участков, но меньше, чем пожарных станций. Два или три филиала были действительно огромными зданиями с уникальными и обширными коллекциями, настолько, что была создана целая система запросов и приобретений, чтобы каждый университет в большой столичной зоне мог брать книги, которых нет в их кампусах.

Этот филиал, расположенный в районе, где Дэвид вырос, - в двух шагах от парка, где он в детстве учился играть в баскетбол, и через три дома от зубного врача, - был скорее общественным центром с коллекцией, по объему примерно равной сетевому книжному магазину. Но что библиотека предоставляла, с чем не мог сравниться ни один книжный магазин, так это читательский билет. Он служил счетом, который обеспечивал доступ к артериям и венам большого каталога книг всей системы - и не только тех, которые принадлежали Публичной библиотеке. С помощью библиотекаря за справочным столом можно было брать книги и в университетах.

Дэвид подумал, не запрашивал ли кто-нибудь в этом филиале за последний месяц что-нибудь из обширной коллекции. Библиотеки по всему городу были известным примером бесплатного образования, доступного широкой публике, если не возвращать взятые книги вовремя, но они были еще более важными местами для сообществ, частью которых являлись. Это были программы дневного ухода. Это были программы послешкольного образования. В них проводились занятия по обучению пожилых людей базовым навыкам работы с электронными устройствами, занятия по составлению резюме и занятия по изучению английского языка для иммигрантов всех возрастов.

Каждые шесть недель или около того в этом филиале проводилось шоу талантов. Именно поэтому Дэвид и Элис были здесь.

Когда в библиотеке не проводилось никаких мероприятий, здесь царила глубокая тишина - некая созерцательная тишина, из-за которой люди убавляли громкость музыки в наушниках, чтобы не мешать другим. Несмотря на то что в шоу талантов почти никто не участвовал, эта тишина все равно была тяжелой. Лишь немногие сидели на складных стульях, расставленных для зрителей перед сценой, разграниченной столом, перенесенным из читального зала и служившим своеобразным подиумом.

Элис уцепилась за рукав Дэвида и легонько потянула, указывая на справочный стол. Те, кто проводил в библиотеке много времени, были не так подвержены влиянию времени и по-прежнему разговаривали только в случае крайней необходимости. Пара подошла к углу, где находился справочный стол. На стойке был приклеен лист регистрации. Он был бессистемно напечатан на текстовом процессоре. В принтере явно закончился тонер. В списке было три имени, и последним исполнителем была Элис Чоу, написанная аккуратным, четким, судорожным синим шариковым почерком.

Дэвид моргнул.

"Я записалась несколько дней назад..." - объяснила Элис. Она указала на сцену, где за столом стоял несчастный мальчик с портативной электрической клавиатурой; похоже, он не мог найти розетку в пределах досягаемости шнура. Библиотекарей в поле зрения не было, поэтому смущенная мать мальчика направила свой гнев на него. Дэвид определил, что она говорит на каком-то поддиалекте кантонского языка, который он с трудом понимал.

Дэвид повернулся, чтобы спросить Элис, не знает ли она, на каком языке говорит эта женщина, но Элис уже перелезла через стойку справочного стола и копалась под ней. "Что ты делаешь?" - зашипел он.

"Я работала здесь волонтером несколько лет назад, где-то здесь должен быть удлинитель".

Дэвид перегнулся через стойку, чтобы заглянуть в пространство за справочным столом, и понял, что так мало людей запрашивают книги из основного каталога, что библиотекари решили использовать зону справочного стола как место для хранения всякой мелочи, которая казалась достаточно полезной, чтобы не считаться мусором.

"Нашла!" - сказала Элис, протягивая проводки, которые, как и было заявлено, были, вероятно, старше Дэвида. Возможно, когда-то он был ярко-желтым, но пластик выцвел до пятнисто-серого цвета.

Женщина, которая на сцене ругала мальчика, возможно, своего сына, потеряла всякое подобие контроля над громкостью, привлекая к себе обеспокоенные взгляды не только небольшой горстки людей, сидевших на складных стульях перед сценой, но и всех, кто находился в библиотеке. Краем глаза он заметил, как библиотекарь за стойкой кассы и бронирования у выхода встревоженно привстала.

Дэвид понял, что библиотекарь смотрит не на разгневанную мать, а на Элис, которая в этот момент снова перевернулась через стойку.

Судя по слабому стуку, удлинитель зацепился за стопку книг. Когда она выдернула провод, над стойкой поднялось облако пыли, словно действующий вулкан. К тому времени как она перестала чихать, библиотекарь уже снова сидела на своем месте. Дэвид предположил, что

библиотекарь узнала Элис или, по крайней мере, поняла, что она не просто так зашла за справочный стол.

Ситуация на сцене становилась все хуже и хуже. Мать, которая явно боролась с демонами своего смущения еще до того, как все в библиотеке начали на нее пялиться, была на волосок от того, чтобы в гневе ударить сына.

Дэвид и Элис посмотрели друг на друга с общим чувством сочувственной боли. В них слишком легко угадывалась нить неразумности и социальной слепоты - основных жалоб многих детей, которые родились и выросли в школах, библиотеках и парках этих берегов.

Женщина выплевывала на мальчика слова, которые были бы понятны, даже если бы не звучали почти так же на севернокитайском языке, которым Дэвид владел.

"Извинись перед ними!"

Мальчик поднял взгляд от пола. Мальчик посмотрел на библиотекаря за кассой, которая, казалось, не замечала ничего страшного, на пожилых итальянцев в дальнем углу, смотревших на него с презрением, и наконец на Элис, которая выжидающе протягивала ему удлинитель. Мальчик уставился на него с явным отвращением, но потом понял, что это такое, и схватил его.

"Спасибо..." - пробормотал он, с нарочитой медлительностью занимаясь своими делами. Мальчик намеренно не смотрел ни на что, кроме проводов, розеток и клавиатуры. Он старался сохранить на лице определенное выражение, которое, видимо, считал чем-то средним между бесстрастным и искренним. Жалость вернулась.

Это было лицо человека, который отчаянно хотел избежать еще одной лекции о плохом поведении в связи с тем, что наверняка будет на повестке дня, когда мальчик и его мать вернутся домой. А еще это было лицо человека, которому отчаянно нужно было в туалет, а поезд был достаточно близко к дому, чтобы не стоило сходить с него раньше времени. Дэвиду были знакомы оба ощущения.

"Извинись!" - прошипела его мать.

Мальчик открыл было рот, чтобы отказаться, потом закрыл его и снова оглядел библиотеку, но тут его снова выручила Элис.

"Забудьте об этом..." - мягко сказала она на кантонском языке, который звучал немного иначе, чем тот, на котором говорила женщина, но было ясно, что она поняла. "У птиц короткая память, и нет смысла учить их петь песню, которую вы ненавидите".

Женщина вздохнула и отвернулась, садясь. Она уставилась на свои руки, сложенные на коленях. Теперь, когда она не сердилась, она выглядела просто подавленной и немного потерянной. Пока ее сын вполголоса играл сонату Моцарта, она украдкой поглядывала на четырех или пятерых человек вокруг. Они не сводили с нее глаз с тех пор, как прекратились крики.

Трое из них разговаривали по своим телефонам, и один из них, мужчина средних лет, похоже, чувствовал себя виноватым, потому что быстро доставал телефон, слушал его двадцать-тридцать секунд, ему становилось скучно, он проверял телефон и вспоминал, зачем вообще его убрал.

Дэвид был разочарован. После всего этого испытания какое-то сказочное чувство справедливости заставляло его надеяться, что мальчик окажется невероятно хорошим, но этого не произошло. Мальчик ускорился в случайные моменты и замедлялся в другие, что соответствовало сложности произведения. Хотя это была единственная возможность просто сыграть неправильные ноты, мальчик, казалось, даже не замечал, что совершает какие-либо ошибки.

В конце концов мальчик доиграл третью часть сонаты и с энтузиазмом выбил финальный аккорд растопыренными пальцами, пропустив около половины правильных нот, и закончил выступление с изяществом и утонченностью, соответствующими всему остальному, что произошло. Мальчик встал и искренне поклонился, улыбаясь от уха до уха. Дэвид и Элис вежливо похлопали, побуждая остальных зрителей положить телефоны и сделать то же самое.

Элис ущипнула себя за переносицу, явно раздраженная поведением мальчика и его матери. Мать, похоже, полностью оправилась от эмоционального напряжения и теперь нетерпеливо постукивала ногой. Мальчик отсоединил клавиатуру от удлинителя и спрятал ее под мышку. Они надели куртки, собрали сумки и менее чем за минуту оказались на полпути к выходу. Часть проводов от клавиатуры тянулась за мальчиком.

Элис посмотрела на удаляющуюся спину мальчика и на удлинитель, затем аккуратно положила свой инструмент, все еще в футляре, на стол. Она выдернула шнур из розетки, аккуратно свернула его и отнесла обратно. Она спрятала его где-то за столом и дважды чихнула, когда он поднял очередное облако пыли.

Она шумно вздохнула. С ощутимым облегчением вытерев пыль с рук, она подошла и опустилась на стул, который раньше занимал мальчик.

Элис расстегнула футляр и выложила на стол то, что, по мнению Дэвида, было гуцинем, а затем толкнула футляр в бок. Он приземлился с тихим стуком и медленно смялся. Она не удостоила его и взглядом, начав настраивать струны по одной.

"Этот инструмент..." - начала она, говоря достаточно громко, чтобы маленькая аудитория могла ее слышать, "...известен как гуцинь, один из древних инструментов с Дальнего Востока. В самом прямом переводе я бы назвала его "старым фортепиано", но, думаю, вы бы назвали его скорее настольной гитарой". Она продолжала бодро настраивать гуцинь. "В некоторых традициях, в том числе и в той, которую я изучала, музыкант дает короткое вступление к песне..."

<http://tl.rulate.ru/book/104735/3666897>